

Академия Огненных Ветров: Пустышка и её поваренная книга

Татьяна Эттерра

Татьяна Этерра

Академия Огненных Ветров: Пустышка и её поваренная книга

<https://litres.ru/74321882>

SelfPub; 2026

Аннотация

Василиса — пустышка без магии и денег. В академии драконов её место у грязных кастрюль. Но её бытовая магия просыпается — и из теста появляется наглый фамильяр Пряник.

Теперь ей предстоит: выжить в академии, не влюбиться в ректора и доказать всем, что пустышка — это не приговор.

Татьяна Этерра

Академия Огненных Ветров: Пустышка и её поваренная книга

Книга «Академия Огненных Ветров: Пустышка и её поваренная книга»

Пролог

Муки было много. Василиса помнила это чётко — мука белая, тёплая, пахнувшая свежим зерном. Она сыпалась на руки, оседала на фартуке, забивалась под ногти. Ей снилось, что она месит тесто для булок, и руки сами помнят движения: сжать, размять, бросить, накрыть. Во сне было хорошо и спокойно, потому что пекарня «У Палыча» была единственным местом, где её никто не бил и не требовал денег.

А потом её кто-то встряхнул. Резко, больно, так что голова мотнулась и стукнулась о деревянную стену.

— Да проснись ты, идиотка! — рывкнули прямо над ухом.

Василиса распахнула глаза. Сначала она увидела чужой потолок — низкий, деревянный, в трещинах. Потом — чужое лицо. Худое, острое, с маленькими колючими глазками. Лицо принадлежало женщине лет сорока в дорогом, но потёртом платье тёмно-зелёного цвета.

— Я с тобой разговариваю! — процедила женщина. — Живо встала и села ровно! Через час приедем, и если ты опозоришь меня перед ректором, я лично сверну тебе шею!

Василиса села, держась за голову. Вокруг было незнакомо, темно, тряско. Голова гудела, а в ушах стоял звон, будто она надышалась угарным газом.

— Где я? — спросила она хрипло.

— В карете, — ответила женщина с едкой усмешкой. — Едем в Академию Огненных Ветров. Я оформляю тебя туда на полный пансион. Ты сирота, тебе семнадцать. По закону я обязана тебя содержать до восемнадцати. А у меня нет денег кормить такую бесполезную дармоедку. В академии тебя накормят, научат чему-нибудь — или не научат, мне всё равно. Главное — чтобы ты была там, а не у меня на шее.

Василиса моргнула. Она попыталась вспомнить, что было до, но в голове только мука, тепло печи и звук лопаты, кото-

рой она сажала хлеб в печь.

— Я ничего не помню, — сказала она медленно. — Со всем ничего. Голова болит, и я не знаю, кто вы такая.

— Ну и не надо помнить, — отрезала женщина. — Твоя мать умерла родами. Отец сбежал, как узнал, что ты без магии. Мачеха взяла тебя из жалости, но и она окочурилась. Я — твоя единственная родственница, тётя Аглая Нетёсова. И я тебя везу в академию, передаю бумаги — и всё, ты больше не моя проблема.

— А если я не хочу в академию?

Аглая усмехнулась. — Хочешь или не хочешь — закон есть закон. До восемнадцати ты не можешь отказаться от опеки, а я не могу тебя выгнать. Но я могу передать опеку ректору академии. Он подпишет бумаги, и ты станешь его головной болью. Так что сиди и не дёргайся.

Василиса хотела возразить, но осеклась. Она поднесла руки к лицу и обомлела — они были не её. Тонкие, бледные, с длинными пальцами, без единой мозоли. Руки девушки, которая никогда не месила тесто, не мыла полы и не таскала тяжёлые мешки.

— Ох ты ж... — выдохнула она.

— Что, дошло наконец? — фыркнула Аглая. — Ты и есть Василиса Нетёсова. Шестая дочь. Без магии, без приданого, без ума. Единственное, что умеешь — чай греть. И то с пятого раза. Я тебя ненавижу, между прочим. Всю жизнь таскалась с тобой, всю жизнь платила за твои лекарства. Теперь хватит. В академии тебя научат, или не научат — мне всё равно. Главное, чтобы с моих глаз долой.

Она отвернулась к окну и больше не проронила ни слова.

Василиса сидела в углу кареты, сжимая в руках подол незнакомого платья, и пыталась дышать ровно. Итак. Она попала в другой мир. Или в прошлое. Или в бред. Но карета была настоящей, тётка настоящей, и руки у неё были чужими.

Она сунула руку в карман и нащупала что-то твёрдое. Достала пирожок. Тот самый, который она испекла перед тем, как отрубиться. Капустный, с хрустящей корочкой, чуть приплюснутый. Он был тёплым, хотя должен был остыть. Василиса поднесла его к носу — пахло родным, тёплым, почти забытым.

— Я не буду плакать, — прошептала она. — Не дождётесь.

— Она откусила кусочек и стала жевать, глядя в окно.

За мутным стеклом проносились огромные чёрные деревья с огненно-красной листвой. Небо было серым, низким, и где-то вдали гроыхало. А потом из тумана начали проступать башни. Сначала одна. Потом две. Потом целый лес шпилей, чёрных, острых, как когти дракона. Между башнями плясали огни — голубые, зелёные, красные. Где-то ухнуло, будто взорвался арбалет, и над одной из башен взмыла вверх тёмная фигура. Огромная, крылатая, с длинным хвостом.

Василиса подавилась пирожком.

— Это... дракон? — прохрипела она.

— Академия, — лениво сказала Аглая. — Огненные Ветры. Здесь только драконы и учатся. И такие пустышки, как ты — для баланды и уборки.

Карета остановилась. Аглая распахнула дверцу, выскочила наружу и, не оборачиваясь, бросила через плечо:

— Всё, приехали. Саквояж твой на заднем сиденье. Иди в главный корпус, там ректор. У меня дела.

Она щёлкнула пальцами, карета тронулась, и Василиса осталась стоять посреди огромной площади перед Академией Огненных Ветров с наполовину съеденным пирожком в одной руке и рваным саквояжем в другой. Вокруг сновали студенты в чёрных мантиях — высокомерные, красивые, с золотыми и серебряными значками на груди. Они не смотрели на неё. Она была пустым местом.

Василиса присела на бордюр, поставила саквояж на колени и расстегнула застёжку. Внутри лежали: старое застиранное платье, деревянный гребень с тремя сломанными зубьями, завёрнутый в тряпицу кусок твёрдого сыра и конверт с документами. На нём было написано: «Для ректора Академии Огненных Ветров».

Василиса взяла сыр, понюхала — пах нормально. Сунула обратно. Взяла документы — в них было написано, что она, Василиса Нетёсова, семнадцать лет, сирота, и её опекун передаёт права на неё академии.

— Ну хоть что-то, — буркнула она, закрыла саквояж и встала. — Ну и ладно. Я Василиса Нетёсова. Мне семнадцать. Я сирота и пустышка. Но я умею печь хлеб, и я никому не дам себя сломать.

Она поправила саквояж и пошла вперёд. Но не дошла до

дверей — из-за угла вылетел серебристый дракончик размером с кошку. Он пронёсся над её головой, схватил саквояж и взмыл кверху, волоча пожитки на высоте трёх метров.

— Стоять, ящер! — заорала Василиса, бросаясь за ним.
— Отдай!

Дракончик вильнул хвостом, залетел в распахнутое окно на втором этаже и скрылся. Василиса без раздумий рванула следом. Она вбежала в боковую дверь, проскочила длинный коридор, потом второй, споткнулась о ведро и влетела в комнату.

В комнате было темно, и пахло книгами и пылью. Дракончик сидел на высоком столе, держа в зубах её саквояж, и смотрел на Василису с явным любопытством.

— Отдай, — сказала Василиса, тяжело дыша. — Пожалуйста. Там сыр, документы и гребень. Сыр ты можешь съесть, но документы тебе не понравятся — они бумажные, а от них только живот болит. А если ты съешь сыр, я правда умру с голоду. Ты же не хочешь, чтобы я умерла прямо в твоём кабинете? Представляешь, сколько бумаг потом придётся заполнять?

Дракончик моргнул и мотнул головой.

— Ну отдай, я тебя прошу, — повторила Василиса уже почти жалобно.

И тут из угла комнаты раздался низкий, хриплый голос:

— Химера, отдай ей саквояж.

Василиса вздрогнула и обернулась. В углу, у окна, стоял человек. Огромный — почти два метра, с широкими плечами, чёрными растрёпанными волосами и резким лицом со шрамом на брови. Его глаза горели золотом — такого цвета не бывает у людей. Он был одет в чёрную форму, застёгнутую на все пуговицы, и на груди у него был серебряный значок с драконьей головой. Дракон. Настоящий. Он смотрел на неё с лёгкой усмешкой — но не весёлой, скорее злой.

Дракончик чихнул, разжал зубы, и саквояж с глухим стуком упал на пол. Василиса кинулась к нему, проверила — на месте. И сыр, и документы, и гребень.

Она выдохнула, подняла саквояж и повернулась к дракону.

— Спасибо, — сказала она.

Он не ответил. Он медленно подошёл к столу, сел в кресло и уставился на неё золотыми глазами.

— Ты кто? — спросил он.

Василиса выпрямилась.

— Василиса Нетёсова, — сказала она. — Меня сослали в академию. У меня есть документы.

Она вытащила конверт из саквояжа и протянула ему. Он взял его, вскрыл и пробежал глазами по бумагам. Чем дольше он читал, тем мрачнее становилось его лицо. Потом он отложил документы и посмотрел на Василису с такой усталой злостью, что она невольно сделала шаг назад.

— Твоя тётя передала опеку над тобой академии, — сказал он. — Теперь я формально отвечаю за тебя до восемнадцати лет.

Василиса моргнула.

— А вы кто?

— Эдгар Тёмный, — ответил он. — Ректор.

Василиса сглотнула. Ректор. Самый главный дракон. Тот, кто решает, останется она здесь или пойдёт просить милостыню на дороге.

— Я не буду вам мешать, — сказала она быстро. — Я могу работать. Готовить, убирать, мыть полы. Я не буду создавать проблем.

Эдгар хмыкнул.

— Ты уже создала проблему. Ты ворвалась в мой кабинет, устроила погоню за моим драконом и теперь стоишь тут и обещаешь не создавать проблем. — Он покачал головой. — Завтра я подпишу твои документы. Сегодня ты пойдёшь к коменданту Агафье — она тебя поселит. Еда — три раза в день в столовой. Нарушишь правила — вылечу. Поняла?

— Поняла, — кивнула Василиса.

Он махнул рукой в сторону двери.

— Иди.

Василиса уже взялась за ручку, но обернулась:

— А можно я буду называть вас Эдиком? — спросила она

самым невинным голосом.

Тишина. В кабинете стало жарко — буквально. Из ноздрей Эдгара вырвались две тонкие струйки дыма.

— Вон, — сказал он таким голосом, что Василиса вылетела за дверь быстрее, чем её дракончик украл саквояж.

Она стояла в коридоре, прижимая к груди саквояж, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле.

— Ну что, Эдик, — прошептала она. — Ты ещё не знаешь, с кем связался.

А из-за двери слышался приглушённый, совершенно нечеловеческий рык.

Глава 2

Комендантша Агафья оказалась именно такой, как её описывал ректор — полной, седой и очень громкой. Она носила очки на верёвочке, огромный передник с карманами, в которых звенели склянки, и пахла сушёной мятой и старыми книгами.

— Новая студентка? — спросила она, окинув Василису взглядом поверх очков. — Худющая. Тощая. Ну ничего, у нас кормят, хоть и невкусно. Проходи, давай.

Она провела Василису по тёмному коридору общежития, где пахло сыростью и старыми коврами, и открыла дверь в крошечную комнату. Там стояли узкая кровать с продавленным матрасом, деревянный шкаф с отломанной ручкой, стол и стул. И маленькое запylённое зеркало над умывальником.

— Вот, твоя келья, — сказала Агафья. — Маленькая, но твоя. Умывальник здесь, туалет — через две двери направо. Чай можно греть на общей кухне, только не шуми ночью. И не вздумай колдовать в комнате — у меня от этого люстра падает.

Василиса поблагодарила, зашла внутрь и закрыла дверь. Первым делом она подошла к зеркалу. Она ждала увидеть чужое лицо — и увидела. Хрупкая девушка лет семнадцати с большими ярко-зелёными глазами, светлыми веснушками на щеках и длинными русыми волосами, заплетёнными в толстую косу. На левом запястье блеснул тонкий серебряный браслет, который не снимался.

— Ну ты и красотка, — прошептала Василиса своему от-

ражению. — А я думала, в прошлой жизни всё было плохо. Здесь хотя бы веснушки милые. — Она улыбнулась, и отражение улыбнулось в ответ.

Василиса разобрала саквояж — платье повесила в шкаф, гребень положила на стол, сыр спрятала под подушку. Документы решила пока не трогать — завтра ректор сам подпишет. Она присела на кровать, и матрас жалобно скрипнул.

— Ну что, Василиса, — сказала она себе. — Ты в другом мире, в чужом теле, с куском сыра и без копейки денег. Что будем делать?

В животе громко заурчало.

— Начнём с того, что найдём, где поесть.

Она вышла в коридор и пошла на запах. Запах вёл её мимо лестниц, мимо комнат, мимо вечно капающего крана, пока она не оказалась перед высокой деревянной дверью с надписью: «КУХНЯ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН».

Василиса толкнула дверь. Внутри было чудовищно. Огромное помещение с закопчёнными сводами, три печи, две из которых дымили, и гора грязной посуды в углу. В воздухе витал запах горелого мяса и кислой капусты.

— Это... — прошептала Василиса. — Это кошмар.

— Эй, ты кто такая?!

Из-за стола выскочил маленький, кривоногий гоблин в грязном колпаке. Он был зелёным, с длинным носом, торчащими ушами и маленькими злыми глазками. В руке он сжимал поварёшку, и его лицо выражало глубокое возмущение.

— Я здесь главный! — заорал он. — Я Грозг, завхоз Академии! Ты вообще кто и что тут делаешь?!

Василиса выпрямилась.

— Я Василиса Нетёсова, новая студентка. Я хочу есть.

Грозг фыркнул.

— Студентка? Ещё одна пустышка? Ну и иди в столовую, там баланда. А сюда не смей ходить! Это моя кухня! Я тут всё контролирую!

Он загородил собой огромный котёл, из которого доносился подозрительный булькающий звук.

— И что у вас в котле? — поинтересовалась Василиса, пригнувшись.

— А тебе какое дело?! — взвизгнул Грозг.

— Пахнет... горелыми носками? — прищурилась Василиса.

Грозг побагровел (что для гоблина было впечатляющим зрелищем).

— Это тайный рецепт драконьего супа! Не смей оскорблять мою стряпню!

— Тайный рецепт — это когда все ингредиенты тайно сбежали из кастрюли? — не удержалась Василиса.

Грозг замахнулся на неё поварёшкой, но Василиса ловко отскочила. Она уже развернулась, чтобы уйти, но в тот момент, когда она шагнула к выходу, её магия дёрнулась. Она почувствовала это — внутри что-то шевельнулось, тёплое, слабое, как спичка в темноте.

Василиса остановилась.

— Ты чего стоишь? — прошипел Грозг. — Убирайся!

Но Василиса не смотрела на него. Она смотрела на тесто. Огромный кусок теста лежал на столе под тряпкой. Обычное, дрожжевое тесто, которое должно было подниматься. Но оно не поднималось — оно было серым, комковатым и явно несвежим.

— Это что, завтрашний хлеб? — спросила она.

— Не твоё дело! — рявкнул Грозг.

Василиса шагнула к столу. Грозг попытался её остановить, но она уже протянула руку и коснулась теста. И в тот же миг внутри неё вспыхнуло. Тёплая волна выплеснулась из груди, прошла по руке и ушла в тесто. Оно на глазах начало меняться — из серого, комковатого и мёртвого оно стало золотистым, эластичным, живым. Над ним поднялся лёгкий пар, и комната наполнилась запахом свежего хлеба.

Василиса отдёрнула руку.

— Что это было? — прошептала она.

Грозг вытаращил глаза.

— Ты... ты... ты это сделала? Ты — пустышка?

Василиса не ответила. Она смотрела на тесто, которое теперь поднималось, росло прямо на глазах, и чувствовала, как внутри пульсирует что-то тёплое и живое. А потом из теста выпрыгнул маленький золотистый комочек. Он был размером с белку. Пушистый, круглый, цвета свежей булочки. У него были огромные ореховые глаза на полмордочки, смешной пучок из трёх шерстинок на голове и крошечные перепончатые крылышки за спиной. Он приземлился на стол, отряхнулся, подпрыгнул — и с громким «Пиу!» приземлился прямо на голову Василисы.

— Ай! — вскрикнула она. — Кто это?!

Существо на её голове наклонилось вперёд, заглянуло ей в глаза и настороженно чихнуло. Из его носика вылетела маленькая золотая искорка, которая тут же погасла.

Грозг застыл с открытым ртом.

— Это... это фамильяр, — выдавил он. — Дух домашнего очага. Но у нас в академии никогда не было фамильяров! Это же низшая магия!

Василиса осторожно сняла существо с головы и поставила на ладонь. Оно было тёплым, мягким и урчало, как малень-

кий котёнок.

— Ты кто? — спросила она.

Существо наклонило голову набок, посмотрело на неё огромными глазами и издало:

— Иииии?

Василиса улыбнулась.

— Ну, привет, — сказала она. — Будешь Пряником? Ты похож на свежий пряник.

Существо моргнуло, потом радостно подпрыгнуло у неё на ладони и начало кружиться, как заведённое, урча и сверкая глазками.

— Пряник, — повторила Василиса. — Значит, я теперь не одна.

Она поднесла его к лицу, и Пряник ткнулся своим влажным носиком ей в щёку. От него пахло корицей и ванилью.

Грозг смотрел на них с ненавистью и ужасом одновременно.

— Ты... ты сотворила фамильяра из моего теста, — прошептал он. — Из моего! Теперь ты у меня за это ответишь!

Василиса посмотрела на него, прижала Пряника к груди и улыбнулась самой сладкой, самой озорной улыбкой, на которую была способна.

— Пряник, — сказала она. — У нас появился враг.

Пряник чихнул и выпустил ещё одну искорку — прямо в сторону Грозга. Искорка попала гоблину в нос, тот чихнул, ударился головой о котёл и свалился с грохотом в кучу грязных кастрюль. Василиса хихикнула и, прижимая к себе тёплое урчащее чудо, выбежала из кухни. Снаружи светило солнце. Впервые за весь день.

Она выбежала в коридор и остановилась, чтобы перевести дух. Сердце колотилось, в ушах шумело, но внутри горело что-то тёплое и светлое, как маленькая печка. Она опустила голову и посмотрела на существо, которое держала в ладонях.

— Ты кто? — прошептала Василиса.

Существо наклонило голову набок, потом подпрыгнуло на

её ладони и издало тихое:

— Иииии?

Василиса улыбнулась.

— Ты похож на пряник, — сказала она. — Так и будешь Пряником.

Существо моргнуло. А потом случилось что-то невероятное. Оно открыло рот — маленький, смешной, с крошечными зубками — и сказал:

— «Пряник... это вкусно. Я согласен».

Василиса замерла.

— Ты... ты сказал? — выдохнула она.

Пряник захлопал своими крылышками и издал что-то вроде смеха:

— «Ну да. Я фамильяр. Я умею говорить. Просто я долго спал. А ты меня разбудила... вкусным тестом. И теплом. И... и ты пахнешь хорошим человеком».

Василиса присела на корточки прямо посреди коридора, поставила Пряника на пол и уставилась на него.

— Ты правда говоришь? — переспросила она.

— «Правда-правда», — кивнул Пряник, поправляя свой пучок лапкой. — «Я просто не хотел с тобой раньше разговаривать. А теперь — хочу. Ты спасла тесто. Ты хорошая. Я буду тебе помогать. И говорить. Если ты будешь кормить... и гладить... и иногда чесать за ушком».

Он подошёл к её ноге и потёрся о неё, как котёнок. От него пахло корицей и ванилью. Василиса рассмеялась. Она не могла поверить, что этот маленький золотистый колобок разговаривает с ней, но почему-то это казалось самым правильным в мире.

— Договорились, — сказала она, протягивая ему ладонь. — Ты — Пряник. Я — Василиса. Мы будем друзьями. И я буду тебя кормить. А ты — разговаривать и меня смешить.

Пряник запрыгнул ей на руку, свернулся клубком и довольно заурчал.

— «Договорились, — сказал он. — Только предупреждаю: я много говорю. И люблю критиковать. Это у меня

врождённое».

— Буду знать, — улыбнулась Василиса и погладила его по голове.

Пряник зажмурился от удовольствия и тихо произнёс:

— «Ты хорошая. Я тебя люблю. Даже больше, чем тесто... ну, почти».

Василиса засмеялась и пошла дальше по коридору — с фамильяром на плече, который ворчал ей в ухо про то, что у неё красивые глаза, но платье можно было бы и погладить.

— Ну что, Пряник, — сказала она, глядя мягкую пушистую головку фамильяра. — Похоже, у нас начинается новая жизнь.

Пряник издал тихое довольное урчание и начал лизать её пальцы, пахнущие мукой. Василиса засмеялась. И почему-то ей стало спокойно.

Глава 3

Утро в Академии Огненных Ветров начиналось не с кофе. Василиса поняла это, когда в дверь её комнаты постучала комендантша Агафья и, не дожидаясь ответа, ввалилась внутрь с громким:

— Вставай, соня! Первое занятие через час! Опоздаешь — ректор тебя в лепёшку превратит, а мне потом оттирай стены!

Василиса подскочила на кровати, чуть не сбросив Пряника, который спал у неё на подушке, свернувшись в золотистый клубок. Он недовольно пискнул и накрыл голову лапками.

— Пять минут, — пробормотал он сонным голосом. — Я фамилльяр, я должен высыпаться. У меня режим.

— Ты вообще вчера появился, — фыркнула Василиса, выбираясь из постели. — Какой у тебя режим?

— Режим красоты, — важно ответил Пряник, приоткрыв один глаз. — Я должен быть красивым, чтобы тебя не позорить.

Агафья окинула взглядом комнату, наткнулась на Пряника и замерла. Её очки съехали на кончик носа.

— А это что за чудо? — спросила она.

— Это Пряник, — ответила Василиса, натягивая вчерашнее платье. — Мой фамильяр.

— Фамильяр? — Агафья прищурилась. — Говорящий?

— Ага, — подтвердил Пряник, садясь на кровати и поправляя свой пучок. — И в отличие от некоторых, я всегда в хорошем настроении. Даже с утра.

Агафья расхохоталась.

— Ну, с таким фамильяром ты точно не пропадёшь. Готовься, Василиса. Первое занятие у тебя через час в главном корпусе, третий этаж. Профессор Заргон — старый дракон, не любит пустышек. Так что держись.

Она вышла, оставив Василису наедине с паникой.

— Я даже не знаю, куда идти, — пробормотала она, пытаясь расчесать волосы сломанным гребнем.

— Иди туда, где пахнет магией, — посоветовал Пряник, запрыгивая ей на плечо. — Я чую. Третий этаж, аудитория

номер один. Я тебя проведу.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую, — гордо ответил Пряник. — Я же фамильяр. Я связан с магией академии. Ну и с тобой, конечно. Так что пошли, я покажу дорогу.

Василиса вздохнула, надела вчерашнее платье и вышла в коридор с Пряником на плече. Он уверенно вёл её через лабиринт коридоров и лестниц, мимо портретов старых ректоров, которые провожали их подозрительными взглядами, мимо статуй драконов, из пастей которых капала вода. Через десять минут они стояли перед высокой дубовой дверью с золотой надписью: «АУДИТОРИЯ №1. ОСНОВЫ БОЕВОЙ МАГИИ».

— Я передумала, — сказала Василиса. — Может, пойдём в столовую?

— Не трусь, — подбодрил её Пряник. — Я с тобой. Если что — я буду громко чихать и пускать искры. Отвлеку всех.

— Ты же обещал молчать, когда я с другими!

— Я обещал молчать, когда ты с Эдиком. А когда с дру-

гими — я буду говорить. Я же фамилльяр! Я должен тебя защищать!

Василиса вздохнула и толкнула дверь.

В аудитории было шумно. Около двадцати студентов сидели за партами — драконы в первых рядах, люди сзади. Когда Василиса вошла, все головы повернулись к ней.

— О, ещё одна пустышка, — услышала она чей-то громкий шёпот. — Какая миленькая. Наверное, пришла обед разносить.

Кто-то засмеялся. Василиса сделала вид, что не слышит, и села на задний ряд. Пряник юркнул под парту.

Через пару минут в аудиторию вошёл преподаватель — пожилой дракон с длинными седыми усами и злыми, колючими глазами. На груди у него блестел серебряный значок, а походка была такой, будто он нёс на плечах всю академию.

— Я — профессор Заргон, — объявил он, бросив стопку книг на кафедру. — И здесь мы изучаем боевую магию. Настоящую. Не ту, которой балуются в кухонных котлах.

Он обвёл взглядом аудиторию и остановился на Василисе.

Его глаза прищурились.

— А вы, милая барышня, видимо, пустышка? — спросил он с едкой усмешкой. — У нас таких не любят. Но раз вы здесь — будем считать, что вы пришли посмотреть. Или, может быть, вы хотите к Грозгу на кухню? Там больше пользы.

Студенты захихикали. Василиса почувствовала, как у неё загорелись щёки. Она сжала пальцы в кулак, но промолчала.

Профессор Заргон начал лекцию. Он говорил о магических плетениях, о структурах заклинаний, о том, как соединять стихии и направлять потоки энергии. Он сыпал терминами, которые звучали для Василисы как заклинания из другого мира — «резонансный узел», «огненная спираль», «противопотоковый усилитель». Василиса не понимала ни слова. Она смотрела на доску, где профессор рисовал какие-то схемы, и чувствовала, что её мозг отказывается это воспринимать.

— Нетёсова! — рявкнул Заргон, тыкая в неё указкой. — Повторите, в чём отличие боевого плетения от бытового?

Василиса встала. Под партой Пряник затаил дыхание.

— Я... э-э-э... — начала она.

— Не знаете? — усмехнулся Заргон. — А зачем вы тогда здесь? Это академия, а не кухня. Может, вам стоит пойти к гоблину Грозгу — он вам работу найдёт. Посуду мыть. Или тесто месить. Говорят, вы это умеете.

Студенты засмеялись громче. Кто-то в первом ряду обернулся и окинул Василису насмешливым взглядом. Василиса почувствовала, как к лицу прилила кровь. Она хотела что-то ответить, но слова застряли в горле. Она была пустышкой. Все это знали.

И тут из-под парты раздался тоненький, но очень громкий голосок:

— А вы, уважаемый профессор, можете показать, в чём отличие вашего ума от ума моей левой лапки? Я бы посмотрел.

Тишина. В аудитории стало тихо, как на дне колодца. Профессор Заргон медленно повернулся к парте, из-под которой торчала золотистая голова с огромными ореховыми глазами и смешным пучком на макушке.

— Это... что? — спросил он, уставившись на Пряника.

— Это — фамильяр! — гордо объявил Пряник, вылезая полностью и встряхиваясь. — Я — Пряник. Я — дух домашнего очага. И я умею отличать умных драконов от тех, кто просто старый и злой. Угадайте, кто вы?

Кто-то из студентов прыснул. Профессор Заргон побагровел.

— Ты... ты... ты наглое создание! — заорал он. — Это что за безобразие?!

— Безобразие, — спокойно согласился Пряник, поправляя свой пучок. — Это вы — безобразие. Вы оскорбляете студентку, которая пришла учиться. Вы даже не спросили, что она умеет. Вы просто решили, что она бесполезна. А она, между прочим, вчера спасла тесто, которое ваш Грозг чуть не испортил. И создала меня! Из теста! Понимаете? А вы даже простую булку испечь не можете!

— Я — профессор боевой магии! — взревел Заргон.

— И что? — фыркнул Пряник. — Боевая магия не кормит. А моя Василиса кормит. Она вообще-то талант. Просто вы этого не видите, потому что у вас в глазах только боевые заклинания и никакого хлеба!

Василиса закрыла лицо рукой. Профессор Заргон стоял с открытым ртом. Его усы дрожали от ярости. Студенты переглядывались — кто-то уже не скрывал улыбок, а один дракон на первом ряду откровенно фыркнул в кулак.

— Нетёсова, — сказал профессор ледяным тоном, когда к нему вернулся дар речи. — Заберите своё... чудо... и покиньте аудиторию. Я не намерен вести занятия в присутствии домашних животных.

— Я не домашнее животное! — возмутился Пряник. — Я — фамилъяр! Высшее существо!

— Пряник, пошли, — сказала Василиса, подхватывая его на руки. — Простите, профессор. Мы уходим.

Она вышла из аудитории, но в коридоре её догнал приглушённый смех — студенты больше не сдерживались. Даже драконы на первом ряду, которые сначала смеялись над ней, теперь хохотали над тем, как Пряник осадил профессора.

— Я тебя прибую, — сказала Василиса Прянику, когда они оказались в безопасном месте.

— Не прибьёшь, — довольно урчал Пряник. — Я тебя спас. Зато теперь они запомнят тебя надолго. Пустышка с

фамильяром, который умеет давать сдачи.

Василиса вздохнула, но уголки её губ дрогнули в улыбке.

— Ладно, — сказала она. — Пойдём. Надо поесть. А после обеда у меня встреча с ректором.

— Ооо, с Эдиком! — оживился Пряник. — Будет весело. Я уже придумал, что ему скажу.

— Ты останешься в комнате, — твёрдо сказала Василиса.

— Ну уж нет! — возмутился Пряник. — Я должен защищать тебя от этого дымного дракона! А если он тебя обидит — я ему такое скажу, что он от стыда в пепел превратится!

— Пряник!

— Ну я буду молчать! — пообещал он. — Честно-честно. Просто посижу у тебя за пазухой и буду дышать. Тихо. Как мышка.

Василиса закатила глаза, но спорить не стала. Она знала — Пряник всё равно сделает по-своему.

После обеда Василиса надела чистое платье, привела волосы в порядок и, сунув Пряника за пазуху (он уже затих и притворялся спящим), отправилась к кабинету ректора. Она постучала.

— Войдите, — раздался низкий голос из-за двери.

Василиса открыла дверь и вошла. Эдгар сидел за своим огромным столом, заваленным бумагами. На нём был чёрный сюртук, расстёгнутый у ворота, и выглядел он немного уставшим. На столе дымилась чашка с тёмной жидкостью, но он к ней даже не притронулся.

— Садись, Нетёсова, — сказал он, поднимая на неё золотые глаза. — Разговор будет серьёзным.

Василиса села на стул напротив. Пряник затаился у неё за пазухой.

— Я прочитал твои документы, — начал Эдгар. — Твоя магия — бытовая. Очень слабая. Но после вчерашнего... — он помолчал. — Ты создала фамильяра. Из теста. Это невозможно для человека с таким уровнем дара.

Василиса молчала, не зная, что ответить.

— Я не знаю, кто ты и откуда, — продолжал Эдгар. — Но я знаю одно: твоя магия растёт. И если её не контролировать, она может навредить тебе и окружающим.

— Я не хочу никому вредить, — тихо сказала Василиса.

— Я знаю, — кивнул Эдгар. — Поэтому я беру тебя под личный контроль. С завтрашнего дня ты будешь заниматься дополнительно. Со мной. Я научу тебя контролировать твой дар.

Василиса моргнула.

— Вы будете... учить меня?

— Да, — ответил Эдгар, и в его голосе послышалось раздражение. — Мне придётся. Потому что если ты взорвёшь кухню или создашь ещё одного фамильяра — я буду выглядеть как ректор, который не справляется.

Пряник не выдержал. Высунувшись из-за пазухи, он пронзительно сказал:

— Он врёт! Ему просто нравится с тобой сидеть! И он хочет тебя охранять!

В кабинете повисла тишина. Эдгар медленно перевёл взгляд на Пряника. Из его ноздрей вырвалась тонкая струйка дыма.

— Нетёсова, — сказал он тихо. — Твой фамильяр сейчас умрёт.

— Я спасу, — быстро сказала Василиса, прижимая Пряника к груди. — Он просто... он всё время говорит! Это у него врождённое!

— И вообще, — добавил Пряник, не испугавшись, — у тебя в чашке чай остывает. Я бы на твоём месте выпил. А то ты опять злой будешь.

Эдгар прикрыл глаза. Его челюсти сжались, и в кабинете стало на несколько градусов жарче.

— Завтра в восемь утра, — сказал он, сжав зубы. — В этой же аудитории. Без опозданий. И без фамильяра.

— Без меня? — возмутился Пряник. — Нет! Я пойду!

— Без тебя, — повторил Эдгар. — Иначе я превращу тебя в чесночный соус. Понял?

— Понял, — буркнул Пряник, но по его тону было ясно — он не собирался сдаваться.

Василиса поднялась.

— Я приду, — сказала она. — Спасибо, ректор.

Она уже взялась за ручку двери, когда Эдгар тихо произнёс:

— Нетёсова.

Она обернулась.

— Ты не пустышка, — сказал он, глядя ей прямо в глаза.
— Запомни это.

Василиса замерла. В груди что-то ёкнуло.

— Спасибо, — выдохнула она.

— Он влюбился! — радостно завопил Пряник, нарушая всю серьёзность момента. — Я же говорил! Я чувствую!

Эдгар схватил со стола свиток и запустил им в Пряника,

но тот ловко увернулся и юркнул за пазуху Василисы.

— Иди! — рывкнул Эдгар. — Оба!

Василиса выскочила за дверь, прижимая к груди хихикающего фамильяра. Она бежала по коридору, и в груди у неё было тепло и почему-то очень светло.

— Ты слышал? — спросила она Пряника, когда они остановились у лестницы.

— Ага, — довольно сказал он. — Я же говорил: он тебя уже заметил. И очень сильно.

Василиса улыбнулась.

— Пойдём, — сказала она. — Будем готовиться к завтрашнему уроку.

— Ура! — завопил Пряник. — А можно я завтра спрячусь у тебя в волосах? Он же не узнает!

— Нельзя.

— Ну пожалуйста!

— Пряник.

— Ну я буду молчать! Как рыба!

— Ты не умеешь молчать.

— Это я умею! Просто не хочу!

Василиса засмеялась, и их голоса растаяли в коридоре Академии Огненных Ветров. А где-то там, в кабинете ректора, Эдгар смотрел на закрытую дверь и не мог понять, что за странное чувство поселилось у него в груди. И почему этот маленький наглый колобок снова сказал правду.

Глава 4

После того как ректор ушёл, Василиса ещё долго сидела на кровати, прижимая к груди Пряника, и пыталась осмыслить произошедшее.

— Он обиделся, — довольно сказал Пряник, поправляя свой пучок. — Я видел. У него глаз дёргался. И дым из носа пошёл. Это у драконов признак сильного смущения.

— Ты его оскорбил! — возмутилась Василиса. — Он ректор! Он мог превратить тебя в чесночный соус!

— Не мог, — фыркнул Пряник. — Во-первых, я слишком красивый. Во-вторых, он сам сказал, что ты не пустышка. Это он про тебя, между прочим. А не про меня. Хотя я тоже не пустышка. Я фамилляр!

Василиса вздохнула и опустила голову. Она вспомнила, как Эдгар смотрел на неё, когда говорил: «Ты не пустышка». В его золотых глазах было что-то тёплое, почти мягкое. Хотя через секунду он уже рычал на Пряника.

— Он тебе нравится, — сказал Пряник, прищурившись.
— Я чувствую.

— С чего ты взял?!

— Я фамилляр, я всё про тебя знаю. Ты покраснела, когда он сказал, что ты не пустышка. И сердце стучало громче. Так что не спорь.

Василиса схватила подушку и прижала к лицу.

— Я тебя ненавижу.

— Любишь, — весело ответил Пряник. — А теперь вставай. У тебя первое занятие через час. И если опоздаешь — Эдик будет недоволен. А мы же не хотим, чтобы он злился? Он такой красивый, когда злится...

— Заткнись! — заорала Василиса и запустила в него подушкой.

Пряник ловко увернулся и запрыгнул ей на плечо.

— Пойдём, я покажу дорогу. Я чувствую магию. Там, в главном корпусе, третий этаж. Все собираются.

Василиса вздохнула, надела вчерашнее платье, кое-как расчесала волосы сломанным гребнем и вышла из комнаты.

Пряник сидел у неё на плече, гордо задрав мордочку, и указывал дорогу лапкой, как заправский проводник.

— Налево. Теперь направо. Мимо статуи — не смотри на неё, она сглазит. Ага, вот лестница. Поднимаемся. Ты тяжелая, между прочим. Иди быстрее.

— Я не тяжелая, я лёгкая, — буркнула Василиса.

— Ты тяжелая для моих лапок. Я вообще-то пернатый!

Ну, почти.

Они прошли мимо портретов старых ректоров, которые провожали их подозрительными взглядами, мимо статуй драконов, из пастей которых капала вода. Через десять минут они стояли перед высокой дубовой дверью с золотой надписью: «АУДИТОРИЯ №1. ОСНОВЫ БОЕВОЙ МАГИИ».

— Я передумала, — сказала Василиса. — Может, пойдём в столовую?

— Не трусь, — подбодрил её Пряник. — Я с тобой. Если что — я буду громко чихать и пускать искры. Отвлеку всех.

— Ты же обещал молчать! — прошипела Василиса.

— Я обещал молчать, когда ты с Эдиком. А когда с другими — я буду говорить. Я же фамилльяр! Я должен тебя защищать!

Василиса вздохнула и толкнула дверь.

В аудитории было шумно. Около двадцати студентов сидели за партами — драконы в первых рядах, люди сзади. Когда Василиса вошла, все головы повернулись к ней.

— О, ещё одна пустышка, — услышала она чей-то громкий шёпот. — Какая миленькая. Наверное, пришла обед разносить.

Кто-то засмеялся. Василиса сделала вид, что не слышит, и села за свободную парту на заднем ряду. Пряник тихо юркнул под парту.

Через пару минут в аудиторию вошёл преподаватель — пожилой дракон с длинными седыми усами и злыми, колющими глазами. На груди у него блестел серебряный значок, а походка была такой, будто он нёс на плечах всю академию.

— Я — профессор Заргон, — объявил он, бросив стопку книг на кафедру. — И здесь мы изучаем боевую магию. Настоящую. Не ту, которой балуются в кухонных котлах.

Он обвёл взглядом аудиторию и остановился на Василисе. Его глаза прищурились.

— А вы, милая барышня, видимо, пустышка? — спросил он с едкой усмешкой. — У нас таких не любят. Но раз вы здесь — будем считать, что вы пришли посмотреть. Или, может быть, вы хотите к Грозгу на кухню? Там больше пользы.

Студенты захихикали. Василиса почувствовала, как у неё

загорелись щёки. Она сжала пальцы в кулак, но промолчала.

Профессор Заргон начал лекцию. Он говорил о магических плетениях, о структурах заклинаний, о том, как соединять стихии и направлять потоки энергии. Он сыпал терминами, которые звучали для Василисы как заклинания из другого мира — «резонансный узел», «огненная спираль», «противопотоковый усилитель». Василиса не понимала ни слова. Она смотрела на доску, где профессор рисовал какие-то схемы, и чувствовала, что её мозг отказывается это воспринимать.

— Нетёсова! — рявкнул Заргон, тыкая в неё указкой. — Повторите, в чём отличие боевого плетения от бытового?

Василиса встала. Под партой Пряник затаил дыхание.

— Я... э-э-э... — начала она.

— Не знаете? — усмехнулся Заргон. — А зачем вы тогда здесь? Это академия, а не кухня. Может, вам стоит пойти к гоблину Грозгу — он вам работу найдёт. Посуду мыть. Или тесто месить. Говорят, вы это умеете.

Студенты засмеялись громче. Кто-то в первом ряду обернулся и окинул Василису насмешливым взглядом. Василиса

почувствовала, как к лицу прилила кровь. Она хотела что-то ответить, но слова застряли в горле. Она была пустышкой. Все это знали.

И тут из-под парты раздался тоненький, но очень громкий голосок:

— А вы, уважаемый профессор, можете показать, в чём отличие вашего ума от ума моей левой лапки? Я бы посмотрел.

Тишина. В аудитории стало тихо, как на дне колодца. Профессор Заргон медленно повернулся к парте, из-под которой торчала золотистая голова с огромными ореховыми глазами и смешным пучком на макушке.

— Это... что? — спросил он, уставившись на Пряника.

— Это — фамилляр! — гордо объявил Пряник, вылезая полностью и встряхиваясь. — Я — Пряник. Я — дух домашнего очага. И я умею отличать умных драконов от тех, кто просто старый и злой. Угадайте, кто вы?

Кто-то из студентов прыснул. Профессор Заргон побагровел (что для дракона было зрелищем одновременно впечатляющим и страшным).

— Ты... ты... ты наглое создание! — заорал он. — Это что за безобразие?!

— Безобразие, — спокойно согласился Пряник, поправляя свой пучок. — Это вы — безобразие. Вы оскорбляете студентку, которая пришла учиться. Вы даже не спросили, что она умеет. Вы просто решили, что она бесполезна. А она, между прочим, вчера спасла тесто, которое ваш Грозг чуть не испортил. И создала меня! Из теста! Понимаете? А вы даже простую булку испечь не можете!

— Я — профессор боевой магии! — взревел Заргон.

— И что? — фыркнул Пряник. — Боевая магия не кормит. А моя Василиса кормит. Она вообще-то талант. Просто вы этого не видите, потому что у вас в глазах только боевые заклинания и никакого хлеба!

Василиса закрыла лицо рукой. Профессор Заргон стоял с открытым ртом. Его усы дрожали от ярости. Студенты переглядывались — кто-то уже не скрывал улыбок, а один дракон на первом ряду откровенно фыркнул в кулак.

— Нетёсова, — сказал профессор ледяным тоном, когда к нему вернулся дар речи. — Заберите своё... чудо... и покинь-

те аудитории. Я не намерен вести занятия в присутствии домашних животных.

— Я не домашнее животное! — возмутился Пряник. — Я — фамилльяр! Высшее существо!

— Пряник, пошли, — сказала Василиса, подхватывая его на руки. — Простите, профессор. Мы уходим.

Она вышла из аудитории, но в коридоре её догнал приглушённый смех — студенты больше не сдерживались. Даже драконы на первом ряду, которые сначала смеялись над ней, теперь хохотали над тем, как Пряник осадил профессора.

— Я тебя прибую, — сказала Василиса Прянику, когда они оказались в безопасном месте.

— Не прибьёшь, — довольно урчал Пряник. — Я тебя спас. Зато теперь они запомнят тебя надолго. Пустышка с фамилльяром, который умеет давать сдачи.

Василиса вздохнула, но уголки её губ дрогнули в улыбке.

— Ладно, — сказала она. — Пойдём. Надо поесть. А после обеда у меня встреча с ректором.

— Ооо, с Эдиком! — оживился Пряник. — Будет весело. Я уже придумал, что ему скажу.

— Ты останешься в комнате, — твёрдо сказала Василиса.

— Ну уж нет! — возмутился Пряник. — Я должен защищать тебя от этого дымного дракона! А если он тебя обидит — я ему такое скажу, что он от стыда в пепел превратится!

— Пряник!

— Ну я буду молчать! — пообещал он. — Честно-честно. Просто посижу у тебя за пазухой и буду дышать. Тихо. Как мышка.

Василиса закатила глаза, но спорить не стала. Она знала — Пряник всё равно сделает по-своему.

После обеда (который, к слову, оказался отвратительным — Грозг явно мстил за вчерашнее) Василиса вернулась в комнату, надела чистое платье, привела волосы в порядок и, сунув Пряника за пазуху (он уже затих и притворился спящим), отправилась к кабинету ректора.

Она постучала.

— Войдите, — раздался низкий голос из-за двери.

Василиса открыла дверь и вошла.

Эдгар сидел за своим огромным столом, заваленным бумагами. На нём был чёрный сюртук, расстёгнутый у ворота, и выглядел он немного уставшим. На столе дымилась чашка с тёмной жидкостью, но он к ней даже не притронулся.

— Садись, Нетёсова, — сказал он, поднимая на неё золотые глаза. — Разговор будет серьёзным.

Василиса села на стул напротив. Пряник затаился у неё за пазухой.

— Я прочитал твои документы, — начал Эдгар. — Твоя магия — бытовая. Очень слабая. Но после вчерашнего... — он помолчал. — Ты создала фамильяра. Из теста. Это невозможно для человека с таким уровнем дара.

Василиса молчала, не зная, что ответить.

— Я не знаю, кто ты и откуда, — продолжал Эдгар. — Но я знаю одно: твоя магия растёт. И если её не контролировать,

она может навредить тебе и окружающим.

— Я не хочу никому вредить, — тихо сказала Василиса.

— Я знаю, — кивнул Эдгар. — Поэтому я беру тебя под личный контроль. С завтрашнего дня ты будешь заниматься дополнительно. Со мной. Я научу тебя контролировать твой дар.

Василиса моргнула.

— Вы будете... учить меня?

— Да, — ответил Эдгар, и в его голосе послышалось что-то похожее на раздражение. — Мне придётся. Потому что если ты взорвёшь кухню или создашь ещё одного фамильяра — я буду выглядеть как ректор, который не справляется.

Пряник не выдержал.

Высунувшись из-за пазухи, он пронзительно сказал:

— Он врёт! Ему просто нравится с тобой сидеть! И он хочет тебя охранять!

В кабинете повисла тишина.

Эдгар медленно перевёл взгляд на Пряника. Из его ноздрей вырвалась тонкая струйка дыма.

— Нетёсова, — сказал он тихо. — Твой фамильяр сейчас умрёт.

— Я спасу, — быстро сказала Василиса, прижимая Пряника к груди. — Он просто... он всё время говорит! Это у него врождённое!

— И вообще, — добавил Пряник, не испугавшись, — у тебя в чашке чай остывает. Я бы на твоём месте выпил. А то ты опять злой будешь.

Эдгар прикрыл глаза. Его челюсти сжались, и в кабинете стало на несколько градусов жарче.

— Завтра в восемь утра, — сказал он, сжав зубы. — В этой же аудитории. Без опозданий. И без фамильяра.

— Без меня? — возмутился Пряник. — Нет! Я пойду!

— Без тебя, — повторил Эдгар. — Иначе я превращу тебя в чесночный соус. Понял?

— Понял, — буркнул Пряник, но по его тону было ясно — он не собирался сдаваться.

Василиса поднялась.

— Я приду, — сказала она. — Спасибо, ректор.

Она уже взялась за ручку двери, когда Эдгар тихо произнёс:

— Нетёсова.

Она обернулась.

— Ты не пустышка, — сказал он, глядя ей прямо в глаза.
— Запомни это.

Василиса замерла. В груди что-то ёкнуло.

— Спасибо, — выдохнула она.

— Он влюбился! — радостно завопил Пряник, нарушая всю серьёзность момента. — Я же говорил! Я чувствую!

Эдгар схватил со стола свиток и запустил им в Пряника, но тот ловко увернулся и юркнул за пазуху Василисы.

— Иди! — рявкнул Эдгар. — Оба!

Василиса выскочила за дверь, прижимая к груди хихикающего фамильяра. Она бежала по коридору, и в груди у неё было тепло и почему-то очень светло.

— Ты слышал? — спросила она Пряника, когда они остановились у лестницы.

— Ага, — довольно сказал он. — Я же говорил: он тебя уже заметил. И очень сильно.

Василиса улыбнулась.

— Пойдём, — сказала она. — Будем готовиться к завтрашнему уроку.

— Ура! — завопил Пряник. — А можно я завтра спрячусь у тебя в волосах? Он же не узнает!

— Нельзя.

— Ну пожалуйста!

— Пряник.

— Ну я буду молчать! Как рыба!

— Ты не умеешь молчать.

— Это я умею! Просто не хочу!

Василиса засмеялась, и их голоса растаяли в коридоре Академии Огненных Ветров.

А где-то там, в кабинете ректора, Эдгар смотрел на закрытую дверь и не мог понять, что за странное чувство поселилось у него в груди. И почему этот маленький наглый колобок снова сказал правду.

Глава 5

Василиса не спала почти всю ночь. Она лежала на своей узкой кровати, смотрела в потолок и перебирала в голове разговор с Эдгаром. Его голос, его золотые глаза, его слова: «Ты не пустышка». Почему это так важно для неё? Почему она вспоминает это снова и снова? Рядом, на подушке, спал Пряник. Он свернулся клубком, тихо урчал и иногда вздыхал во сне. Один раз он пробормотал: «Эдик, не злись... это

просто пирожок...» — и снова затих.

— Тебе даже во сне покоя нет, — прошептала Василиса и улыбнулась.

Она попыталась уснуть, но в голову лезли мысли: что будет завтра на занятии? Сможет ли она что-то показать? Или Эдгар снова разочаруется в ней? Она уснула только под утро, когда за окном начало сереть.

Проснулась Василиса от того, что кто-то прыгал у неё на животе.

— Вставай! Вставай! Вставай! — тоненький голосок звенел над ухом. — Ты проспишь! Эдик будет ждать! Он будет злиться! А когда он злится, у него дым из носа! Это красиво, но опасно!

Василиса с трудом разлепила глаза. Пряник скакал на её одеяле, как маленький золотистый мячик, его крылышки трепетали, а пучок на голове стоял торчком.

— Который час? — простонала она.

— Семь тридцать! У тебя полчаса! Если опоздаешь — он тебя съест! Или ещё хуже — отчитает!

Василиса села на кровати, потянулась и посмотрела на Пряника.

— Ты же обещал остаться в комнате, — сказала она.

— А я и останусь, — ответил Пряник, скрестив лапки на груди. — Я буду сидеть здесь. И ждать. И переживать. И если ты не вернёшься через час, я пойду тебя искать. И если он тебя обидит — я ему такое скажу...

— Ты останешься в комнате, — твёрдо повторила Василиса.

— Ну хорошо, — неожиданно легко согласился Пряник. — Я останусь. Я буду послушным. Я даже дышать буду тихо.

Василиса прищурилась.

— Почему ты так легко согласился?

— Потому что я устал, — зевнул Пряник, демонстративно растягиваясь на подушке. — Я буду спать. И никуда не пойду. Обещаю.

Василиса не поверила ни единому слову. Но спорить было некогда. Она быстро умылась, надела платье, кое-как расчесала волосы и, бросив на Пряника предупреждающий взгляд, вышла из комнаты.

— Никуда не пойду, — донеслось до неё уже из-за двери.

Она вздохнула и направилась к кабинету ректора.

Она постучала ровно в восемь.

— Войдите, — раздался низкий голос.

Василиса открыла дверь и вошла. Кабинет Эдгара был таким же, как вчера — огромный, заваленный бумагами, с высокими шкафами, полными старых книг. На столе стояли две чашки с чаем, и это показалось Василисе странным. Он что, ждал её? Или просто забыл убрать?

Эдгар сидел за столом, но сегодня он был не в сюртуке, а в чёрной рубашке с расстёгнутым верхом и высоких сапогах. Он выглядел немного расслабленнее, чем обычно, хотя на лице всё ещё было выражение «я тут главный, и я всё знаю».

— Садись, Нетёсова, — сказал он, кивнув на стул напротив.

Василиса села. Она чувствовала себя неловко — вчера они говорили о магии, о фамильяре, о её будущем. А сегодня она сидит перед ним в своём единственном платье, и он смотрит на неё так, будто видит насквозь.

— Я не буду учить тебя боевой магии, — начал Эдгар. — Это бесполезно. У тебя нет к ней склонности.

Василиса опустила голову.

— Но у тебя есть кое-что другое, — продолжил он, и в его голосе появилась странная мягкость. — Ты чувствуешь магию. Не через заклинания, а через... что-то другое. Через вкус, через запах, через прикосновение. Это редкий дар.

Она подняла глаза.

— Правда?

— Правда, — кивнул он. — Твоя магия — бытовая. Но она может стать сильнее, если ты научишься её контролировать. Например, через еду.

— Через еду? — переспросила Василиса.

— Ты создала фамильяра из теста, — напомнил Эдгар.
— Ты не просто так его испекла. Ты вложила в него свою магию. Свои эмоции. Свою энергию. Это не заклинание — это искусство.

Василиса улыбнулась.

— А вы умеете печь хлеб? — спросила она.

Эдгар моргнул.

— Нет.

— Ну вот, — сказала она, и в голосе послышалась её привычная озорная нотка. — А я умею. Значит, я сильнее вас в чём-то одном.

Он посмотрел на неё с таким выражением, будто не знал, обижаться или смеяться. Но потом уголки его губ дрогнули — и он улыбнулся. Впервые за всё время.

— Ты невыносима, Нетёсова, — сказал он.

— Знаю, — ответила она. — Мне Пряник каждый день об этом говорит.

Он усмехнулся и протянул ей чашку чая.

— Выпей, — сказал он. — Начнём с простого. Сядь удобно, закрой глаза и попробуй почувствовать тепло в этой чашке. Не руками — магией.

Василиса взяла чашку, закрыла глаза и сосредоточилась. Сначала ничего не происходило. Она просто сидела, держа в руках тёплую керамику, и слушала, как в кабинете тихо тикают часы. А потом она почувствовала. Тёплая волна поднялась откуда-то из груди, прошла по рукам и коснулась чашки. Внутри неё что-то шевельнулось — слабое, но живое, как маленький огонёк. Она почувствовала, как чай в чашке стал чуть теплее, а по комнате разнёсся лёгкий аромат корицы.

— Открой глаза, — сказал Эдгар.

Она открыла. Чай в чашке слегка светился.

— Ты сделала это, — сказал он. — Ты нагрела чай без огня. Без заклинания. Просто... захотела.

Василиса посмотрела на чашку, потом на Эдгара.

— Это... это я?

— Это ты, — подтвердил он. — Ты не пустышка, Нетёсова. Просто твоя магия живёт не в заклинаниях, а в твоих руках.

Она смотрела на него, и в груди у неё разливалось тепло. Не магическое — человеческое. Она поняла, что он не просто учитель. Он тот, кто видит её настоящую.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не за что, — ответил он тихо.

И в этот момент дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял Пряник. Он был весь в муке, его крылышки трепетали, а в лапках он сжимал кусок теста. Увидев Василису и Эдгара, он замер, потом перевёл взгляд на чашки и воскликнул:

— Они пьют чай! Без меня! Это предательство! Я звонил! Я стучал! Я кричал «Эдик, открой!», а вы тут чай пьёте! И без пирожков!

В кабинете повисла тишина. Эдгар медленно перевёл взгляд на Пряника. Из его ноздрей вырвалась тонкая струй-

ка дыма.

— Нетёсова, — сказал он ледяным тоном. — Твой фамильяр только что ворвался в кабинет ректора. С тестом. И называл меня Эдиком.

Пряник выпрямился, поправил свой пучок и гордо заявил:

— Во-первых, я звонил. Во-вторых, я принёс тесто! Мы будем печь пирожки! Вместе! Это же урок магии через еду! Я слышал!

Василиса закрыла лицо руками.

— Я сейчас умру, — простонала она.

— Не умрёшь, — сказал Пряник, подходя к столу и ставя тесто на него. — У нас сегодня важное дело. Мы будем печь хлеб с Эдиком! Он сказал, что не умеет. А я умею! Ну, почти. Я смотрел, как ты делаешь.

Эдгар смотрел на тесто. Потом на Пряника. Потом на Василису.

— Он всегда такой? — спросил он тихо.

— Всегда, — ответила Василиса.

— И ты его терпишь?

— Он мой фамильяр.

Эдгар вздохнул. Глубоко, протяжно, так, что в кабинете стало чуть теплее.

— Ладно, — сказал он. — Урок магии через еду. Я не знаю, как печь хлеб. Но я могу разжечь огонь.

— Я знаю! — радостно завопил Пряник. — Я буду командиром! Василиса будет месить, а ты — жечь! Мы будем делать пирожки!

— Я не буду жечь, — сказал Эдгар, но в его голосе уже не было злости.

— Будешь! — радостно подтвердил Пряник. — Ты же дракон! Драконы жгут! Это у вас в крови! Ну, и в носу тоже иногда.

Василиса фыркнула. Эдгар закрыл глаза, но уголки его губ дрогнули.

— Я вас убью, — сказал он. — Обоих. Когда-нибудь.

— Не убьёшь, — сказал Пряник. — Мы тебя накормим. И ты нас полюбишь. Я чувствую.

Василиса положила руку на тесто и посмотрела на Эдгара.

— Ну что, Эдик, — сказала она, улыбаясь. — Приступаем?

Он открыл глаза. Посмотрел на неё. И в его золотых глазах мелькнуло что-то — что-то тёплое.

— Приступаем, — сказал он.

Глава 6

Василиса никогда не думала, что будет печь хлеб в кабинете ректора Академии Огненных Ветров. А уж тем более — что ректор будет стоять рядом, смотреть на неё и ждать, пока она начнёт.

— Ну что, Эдик, — сказала она, поправляя рукава. — На-

чинаем. Твоя задача — огонь.

— Моя задача — огонь? — переспросил он с лёгким недоумением.

— Ага. Ты ведь дракон. Ты умеешь контролировать пламя. А у меня — тесто. И Пряник. Так что давай, разводи.

Эдгар смотрел на неё так, будто она предложила ему танцевать на столе. Но потом медленно поднял руку — и у него на ладони вспыхнул маленький золотистый огонёк.

— Ого, — выдохнула Василиса. — Это так... красиво.

Пряник сидел на краю стола и внимательно наблюдал.

— Слишком ярко, — сказал он. — Тесто любит ровный жар. Не жги. Аккуратно. Как будто ты греешь ладони у костра.

Эдгар медленно перевёл взгляд с Пряника на огонь.

— Ты только что учил меня жечь? — спросил он тихо.

— Ага, — подтвердил Пряник. — Потому что ты не умеешь. Ты умеешь сжигать. А жечь — это искусство. Василиса

знает. Она печёт пирожки.

Василиса фыркнула и принялась за тесто. Она месила его, чувствуя, как оно становится эластичным под её пальцами. Эдгар стоял рядом и держал огонь в руке, направляя его в импровизированный очаг, который они соорудили из старой жаровни.

— Теперь лепёшки, — скомандовал Пряник. — Василиса, делай круглые. Эдик, смотри и учись. Это искусство.

Эдгар посмотрел на Пряника.

— Я сейчас запущу в тебя этой жаровней, — сказал он.

— Не запустишь, — уверенно ответил Пряник. — Ты же влюблён. А влюблённые драконы не кидаются жаровнями. Это научно доказано. Мной.

Василиса покраснела до кончиков ушей.

— Пряник! — прошипела она.

— Что? Я правду говорю. Он смотрит на тебя так, будто ты — пирожок. Самый вкусный пирожок в его жизни.

Эдгар прикрыл глаза.

— Я убью тебя, — сказал он. — После того как мы допечём хлеб.

— Сначала допечём, — согласился Пряник. — Потом убьёшь. Договорились.

Василиса рассмеялась. Она не могла остановиться. Смех вырвался из неё, и она смотрела, как Эдгар пытается сохранить серьёзное лицо, но уголки его губ дрожат.

— Ты невыносима, — сказал он тихо, глядя на неё.

— Я знаю, — ответила Василиса.

Они стояли друг напротив друга. Огонь горел у них между ними, но внутри Василисы горело что-то ещё. Пряник сидел на столе и довольно урчал.

— Они смотрят друг на друга, — сообщил он кому-то невидимому. — Я всё вижу. Я — фамилльяр. Я всё знаю.

Василиса взяла кусок теста и начала лепить лепёшку. Пряник прыгнул ей на плечо и тихо сказал:

— Ты влюбилась. Я чувствую. Пульс быстрый. Щёки красные. Ты хочешь, чтобы он прикоснулся к твоей руке. Я знаю.

— Заткнись, — прошептала она.

— Не закнись.

Василиса не ответила. Она смотрела на Эдгара, который следил за огнём, и ей казалось, что в этом пламени есть что-то тёплое и правильное.

— Готово, — сказала она наконец, выкладывая лепёшки на решётку.

Эдгар подал знак — и огонь взметнулся, мягко охватив тесто. Василиса смотрела на это чудо, и у неё на душе было так тепло, как никогда.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— За что? — спросил он.

— За то, что вы не прогнали меня. За то, что вы верите, что я могу чему-то научиться. И за то, что вы... вы есть.

Он посмотрел на неё. Его глаза горели золотом, но в этом

золоте не было злости.

— Ты всегда такая? — спросил он.

— Какая?

— Такая... настоящая.

Василиса улыбнулась.

— Всегда.

А Пряник сидел на столе и смотрел на них с очень довольным выражением на мордочке.

— Они влюбляются, — прошептал он тесту. — Я знал. Я всегда знал.

Глава 7

Весть о конкурсе разнеслась по академии быстрее, чем Пряник успевал опустошить миску с тестом. То есть мгновенно. Василиса шла по коридору, и каждый второй студент провожал её взглядом, в котором читалось любопыт-

ство, смешанное с насмешкой.

— Слышали? Пустышка хочет участвовать в конкурсе, — услышала она чей-то шёпот за спиной. — Она вообще умеет что-то, кроме как воду кипятить?

— Говорят, она фамильяра из теста создала.

— Да это случайность. Ей просто повезло.

Василиса сжала кулаки, но промолчала. Пряник, сидевший у неё на плече, зашипел так, что его пучок встал дыбом.

— Я сейчас им всем покажу случайность! Я им покажу «повезло»! Хотите, я им мантии подпалю? Они у меня быстро перестанут смеяться!

— Не надо, — прошептала Василиса, продолжая идти. — Я им всё докажу на конкурсе.

— Ты слишком добрая, — фыркнул Пряник, обиженно надувая щёки. — Я бы на твоём месте уже устроил маленький локальный пожар.

— Потому что ты наглый.

— Ага. И горжусь этим.

Василиса улыбнулась и ускорила шаг.

Подготовка к конкурсу началась на следующий день. Эдгар выделил ей отдельную кухню — ту самую, в подвале главного корпуса, которую Василиса уже успела облюбовать. Но теперь там появились новые инструменты: магические печи, которые грели сами собой, странные котлы, помешивающие содержимое без помощи рук, и даже полки с редкими специями, которых Василиса никогда раньше не видела.

— Это всё для тебя, — сказал Эдгар, когда она впервые зашла в обновлённое помещение. — Я распорядился, чтобы тебе выдали всё необходимое.

Василиса обвела взглядом сияющую чистотой кухню и не поверила своим глазам.

— Это... это всё моё? — спросила она.

— На время подготовки к конкурсу, — поправил Эдгар. — Если выиграешь — получишь собственную пекарню при академии. Если нет... — он пожал плечами, — хотя бы по-

пробуешь. Это уже немало.

— Он хочет, чтобы ты выиграла, — немедленно прошептал Пряник, забираясь на полку со специями. — Потому что тогда ты останешься в академии. Он не хочет, чтобы ты уходила. Он без тебя зачахнет. Засохнет. Станет серым и скучным.

— Заткнись, — прошептала Василиса, чувствуя, как щёки заливают краской.

— Я приду через час, — сказал Эдгар, направляясь к двери. — Проверю твой прогресс.

Когда он ушёл, Василиса выдохнула, присела на табурет и посмотрела на свои руки.

— Ну что, Пряник, — сказала она. — Начинаем.

Первые три дня прошли в бесконечных экспериментах. Василиса перепробовала всё: сладкие булочки с корицей, солёные пирожки с капустой и грибами, хлеб с травами, печенье с магическими добавками, которые она находила на новых полках. Пряник сидел в своей любимой миске и коммен-

тировал каждое блюдо с такой беспощадностью, что любой профессиональный критик позавидовал бы.

— Это слишком сухое. — Он выплюнул кусочек булки и скривился. — У меня язык теперь как наждак.

— Это слишком сладкое. У меня глаза слиплись, и я вижу только розовых единорогов. Хотя это даже прикольно.

— А вот это вкусно... но где магия, Василиса? Где твой огонь? Где твоя душа? Ты просто пекла, а не творила.

Василиса вздыхала, вытирала руки о фартук и начинала заново. Она не сдавалась. Она знала, что может больше.

На четвёртый день она решила испечь яблочный пирог. Но не простой — она вложила в тесто всю свою энергию, все свои надежды и все переживания последних дней. Она месила его медленно, думая о том, как хочет остаться в академии, как хочет доказать всем, что пустышка — это не приговор, как хочет, чтобы Эдгар смотрел на неё с гордостью. Когда пирог был готов, Василиса с трепетом разрежала его ножом. И замерла. Внутри, в самой середине, мягко пульсировал золотистый свет. Тёплый, живой, настоящий.

— Ого, — выдохнула она.

— Ого! — тут же завопил Пряник, свешиваясь из миски.
— Это магия! Настоящая! Я чувствую! Пирог светится!

Василиса отломил кусочек дрожащей рукой и отправила в рот. Вкус был невероятным — яблоки, корица, карамель, а за всем этим — лёгкое, почти незаметное тепло, которое разливалось по телу.

— Я сделала это! — воскликнула она, подпрыгивая на месте. — Я вложила магию в пирог!

— Я чувствую! Он живой!

Но в тот же момент пирог начал светиться всё ярче, словно в нём зажгли маленькую лампу. А потом он взлетел. Он поднялся над столом, закружился, как бешеный волчок, и с громким чавканьем врезался прямо в стену, оставив на ней жирное золотистое пятно. Василиса уставилась на стену, открыв рот. Пряник захихикал.

— Он улетел! — радостно закричал он. — Твой пирог научился летать! Это гениально! Никто на конкурсе не сможет повторить такое! Ты — единственный маг в мире, у которого выпечка убегает!

— Это не смешно! — Василиса закрыла лицо руками. — Мне нужно выиграть конкурс, а не запускать пироги в стены!

— Это ты так думаешь, — философски заметил Пряник, вылезая из миски и отряхивая лапки. — А судьи могут оценить оригинальность. Представь: они сидят, пробуют, а твой пирог просто берёт и улетает. Это же зрелище! Это шоу!

Василиса опустила руки и посмотрела на него.

— Ты издеваешься?

— Немного, — честно признался Пряник. — Но я верю в тебя. Ты справишься. Просто надо поменьше переживать. А то пироги будут улетать, и мы останемся без жилья.

Василиса фыркнула, но улыбнулась. Пряник умел поднимать настроение, даже когда всё шло не так.

На пятый день у Василисы появилась новая проблема. И звали её Грозг. Гоблин-завхоз узнал, что она готовится к конкурсу, и пришёл в ярость. Он ворвался в её кухню в самый разгар работы, хлопнув дверью с такой силой, что со стен посыпалась штукатурка.

— Ты! — заорал он, размахивая поварёшкой. — Ты здесь готовишься? Это моя кухня! Это мои ингредиенты! Ты не имеешь права тут находиться!

Василиса даже не подняла головы. Она продолжала месить тесто, спокойно и размеренно.

— Мне выделил эту кухню ректор, — ответила она. — Если у тебя есть претензии — иди к нему и высказывай всё, что думаешь. Я здесь по его распоряжению.

— Я иду к нему! — взвизгнул Грозг, топая ногой. — Я сейчас же иду к нему! Он пожалеет, что связался с гоблином! Я ему устрою! Я ему покажу!

— Он уже пожалел, — лениво сказал Пряник, не поднимая головы из миски. — В тот самый момент, когда впустил тебя в академию. И каждый день после этого.

Грозг побагровел. Его лицо стало цвета перезрелого помидора. Он замахнулся на Пряника поварёшкой, но тот ловко увернулся, подпрыгнул и запрыгнул на шкаф, откуда сверху вниз смотрел на гоблина с явным превосходством.

— Не тронешь меня, коротышка! — крикнул он. — Я —

фамильяр! Я ценный сотрудник! Если ты меня тронешь, я подам жалобу ректору! Он меня любит! Ну... почти любит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.